




Центр стратегических оценок и прогнозов

www.csef.ru

Панкратенко И.Н.



Россия – Турция: сложные нюансы взаимоотношений

Москва. 2015

Игорь Николаевич Панкратенко — востоковед, кандидат исторических наук, шеф-редактор российского журнала «Современный Иран», эксперт АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов».



Сфера профессиональных интересов: внешняя политика Исламской Республики Иран, государств постсоветской Средней Азии, Китая, Турции, монархий Персидского залива, история спецслужб, деятельность трансграничных организаций в регионе Ближнего Востока и на территории постсоветской Средней Азии. Многие работы доступны на сайте АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов».

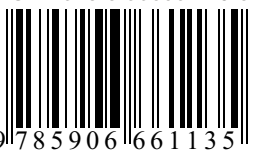


Автономная некоммерческая организация **«Центр стратегических оценок и прогнозов»** создана в феврале 2012 года на базе творческой группы российских ученых. Центр является российской неправительственной организацией — исследовательским центром в области внешней политики и политики безопасности. Центр является сетевой научно-методической организацией и в качестве основной формы своей деятельности использует работу в виртуальных сетевых сообществах экспертов.

Для студентов и молодых ученых Центром учреждена премия в области геополитики и военной науки имени А.Е. Снесарева.

Центром подготовлено около 10 монографий, 50 аналитических докладов и более 100 статей по вопросам компетенции Центра (все они на русском языке доступны на интернет-сайте), поддерживаются связи с рядом научных организаций в странах СНГ (Армения, Белоруссия, Узбекистан, Киргизия и др.).

ISBN 978-5-906661-13-5



9 785906 661135

Автономная некоммерческая организация
«Центр стратегических оценок и прогнозов»

Панкратенко И.Н.

РОССИЯ – ТУРЦИЯ: СЛОЖНЫЕ НЮАНСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ



Москва
2015

УДК 327
ББК 66.4
П16

ПАНКРАТЕНКО И.Н.

П16 Россия – Турция: сложные нюансы взаимоотношений.
— М.: АНО ЦСОиП, 2015. — 52 с.

ISBN 978–5–906661–13–5

Российско-турецкие отношения — один из наиболее сложных вопросов внешней политики Турции, равно как и России. К настоящему времени в отношениях Москвы и Анкары накопилось достаточно проблем как экономического, так и политического характера, которые способны серьезно повлиять на их будущее. Расхождения в «сирийском вопросе» лишь обнажили назревающие негативные тенденции, развитие которых в дальнейшем может привести как к серьезному охлаждению в контактах между двумя странами, так и обострить их противостояние в имеющихся между Москвой и Анкарой «конфликтных зонах» — сферах столкновения политических и экономических интересов России и Турции. Не будет преувеличением признать, что, несмотря на все позитивные перемены последних лет, рост товарооборота и тесные политические контакты президентов двух стран, приемлемый уровень политического доверия между двумя государствами так и не достигнут. Более того, реальные шансы на его достижение уменьшаются. В то же время, не вызывает сомнений необходимость максимального использования потенциала существующих между Москвой и Анкарой отношений.

© АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», 2015

ISBN 978–5–906661–13–8

© Воробьев А.В., оформление, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|----|
| ВВЕДЕНИЕ..... | 4 |
| ГЛАВА I. Взгляд из Анкары: Москва как конкурент и «сверхдержава прошлого» | 8 |
| ГЛАВА II . Россия как экономический партнер Турции | 17 |
| ГЛАВА III Конфликтные зоны в российско-турецких отношениях..... | 28 |
| Сирия..... | 29 |
| Крым..... | 33 |
| Кавказ..... | 36 |
| Средняя Азия..... | 40 |
| Курды..... | 44 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ | 47 |
| ИСТОЧНИКИ..... | 49 |

ВВЕДЕНИЕ

Российская «экспедиция в Сирию» — начало воздушной операции ВКС РФ против антиправительственных сил в октябре нынешнего года — создала серьезную напряженность в российско-турецких отношениях. С 2014 года, с момента встречи Эрдогана и Путина, стало совершенно понятно, что позиции Анкары и Москвы по сирийскому вопросу диаметрально противоположны и какие-то договоренности по этому вопросу достигнуты быть не могут. Именно поэтому решение российского руководства о начале авиационных ударов было принято без предварительных консультаций с турецкой стороной, что вызвало у нее крайне негативную реакцию, которая день ото дня становится все жестче.

И если первоначально официальная Анкара говорила лишь об «ошибочности» данного решения России — как заявил Эрдоган 4 октября 2015 года:

«Россия сейчас делает серьезную ошибку, и у меня складывается впечатление, что этот шаг приведет Россию к изоляции в регионе»

— то спустя всего несколько дней он высказался гораздо резче. Так, 8 октября, перед отлетом в Японию, Эрдоган зая-

вил прессе, что Анкара может начать поиски других партнеров для поставок природного газа и строительства своей первой АЭС. *«Мы — покупатель номер один российского природного газа. Если возникнет необходимость, Турция сможет получать газ из многих других мест»*, — сказал он, добавив — *«Если русские не построят станцию [АЭС] в Аккую, ее могут построить другие»*.

Заявления Эрдогана и других официальных лиц Турции не вызвали серьезных опасений российских политиков и экспертов. В Москве принято считать, что под российско-турецкие отношения подведен надежный экономический фундамент, который исключает серьезные конфликты между нашими странами. В рамках курса Анкары на более сбалансированный внешний товарооборот Россия стала вторым по величине торговым партнером Турции. В 2013 г. объем двусторонней торговли достиг 32,8 млрд долларов, а размер взаимных инвестиций приблизился к \$10 миллиардам. В 2013 году 20% россиян, проводящих отпуск за рубежом, ехали именно в Турцию — их число превысило 3 миллиона. Введение безвизового режима в 2010 году привело к заметному увеличению количества турок, посещающих Россию, хотя оно все еще незначительно (примерно 100 тысяч человек в 2012 году).

Между тем, в реальности ситуация в двухсторонних контактах выглядит гораздо сложнее и более чем неодно-

значно. Не будет преувеличением сделать предварительный вывод о том, что в отношениях Москвы и Анкары накопилось достаточно проблем как экономического, так и политического характера, которые способны серьезно повлиять на их будущее. Расхождения в «сирийском вопросе» лишь обнажили назревающие негативные тенденции, развитие которых в дальнейшем может привести как к серьезному охлаждению в контактах между двумя странами, так и обострить их противостояние в имеющихся между Москвой и Анкарой «конфликтных зонах» — сферах столкновения политических и экономических интересов России и Турции.

Ситуация осложняется тем, что национальные интересы России и Турции явно различаются и принимают все более откровенный конкурентный характер, особенно в региональных вопросах. По ряду фундаментальных проблем взгляды руководства двух стран принципиально не совпадают. А на принятие решений, связанных с геополитикой, ощутимо влияют не только особые отношения Турции с США, ЕС, ее членство в НАТО, не только негативные воспоминания периода «холодной войны», но и все более отчетливо проявляющиеся противоречия, связанные с амбициозными планами турецкого руководства о повышении статуса Анкары до актора международного уровня.

Не будет преувеличением признать, что, несмотря на все позитивные перемены последних лет, рост товарооборота и тесные политические контакты президентов двух стран, приемлемый уровень политического доверия между двумя государствами так и не достигнут. Более того, реальные шансы на его достижение уменьшаются.

В то же время, не вызывает сомнений необходимость максимального использования потенциала существующих между Москвой и Анкарой отношений. Россия и Турция взаимодействуют на обширном географическом пространстве, простирающемся от Черного моря до Средней Азии, от Персидского залива до Каспийского моря. В качестве двух важных игроков они имеют возможность позитивно влиять на будущее этих регионов, способствуя миру, стабильности и росту благосостояния на их территории. Но для реализации потенциала российско-турецкого сотрудничества необходимо иметь четкое представление как о существующих для него политических ограничениях, так и о неизбежно возникающих между этими странами «проблемных зонах», соперничество в которых на среднесрочную перспективу будет неуклонно нарастать.

ГЛАВА I

Взгляд из Анкары: Москва как конкурент и «сверхдержава прошлого»

Активизация Турции на международной арене под руководством Партии справедливости и развития в последние годы открыла для Анкары перспективы, которые десять лет назад никто не мог даже представить. Если в начале 2000-х годов роль Турции как мирового и регионального игрока представлялась несущественной, то сегодня Анкара заявляет о своих интересах по самому широкому кругу международных вопросов, жестко отстаивает свои позиции, не останавливаясь, в случае необходимости, перед политическими конфликтами с влиятельными международными и региональными игроками, в том числе — США, ЕС, Израилем и Саудовской Аравией. Как справедливо заметил один исследователь, для США **«старой доброй Турции больше нет. Американскому госсекретарю или помощнику президента по национальной безопасности уже недостаточно, как бывало, слетать на денек в Анкару, встретиться с начальником турецкого Генштаба и решить все вопросы».**

Антизападная и антиизраильская риторика Эрдогана в определенный период обеспечила и ему, и правящей партии серьезную поддержку турецкой «улицы». Достаточно вспомнить, как в 2014 году, в ночь, когда стали известны первые итоги президентских выборов, он объявил о том, что Турция окажет медицинскую помощь палестинцам, пострадавшим в секторе Газа. И уже через несколько часов после этого заявления турецкие самолеты, оснащенные всем необходимым медицинским оборудованием, начали забирать пострадавших от израильской агрессии, в первую очередь — жenin и детей, добавив новоизбранному президенту, а значит — и его партии, дополнительные политические симпатии населения.

Однако следует учитывать, что антиизраильские заявления и, отчасти, антиамериканская риторика Эрдогана и правящей партии, во-первых, большей частью предназначены для внутренней аудитории. А, во-вторых, зачастую используются в конъюнктурных и вполне прагматичных целях. В частности, подобным образом Анкара отстаивает свой «особый статус» в регионе и т.н. «тюркском мире», добиваясь от Вашингтона и основных европейских партнеров признание за ней статуса «медиатора» диалога между США/НАТО с одной стороны, и входящих в зону турецкого влияния государств Ближнего Востока, Прикаспия и Средней Азии — с другой.

Отсюда с неизбежностью следует вывод, что та же анти-американская риторика совершенно не означает наличие между США и Турцией антагонистических противоречий, которые могли бы создать предпосылки для сколько-нибудь серьезного стратегического партнерства между Анкарой и Москвой.

Данное обстоятельство учитывается и вполне принимается Вашингтоном. В частности, анализ документов американских аналитических центров, рассматривающих те или иные аспекты отношений между Турцией и США, позволяет сформулировать общую оценку американскими элитами нынешнего внешнеполитического курса Анкары следующим образом:

«Да, у нас была определенная настороженность в отношении Эрдогана и ПСР, особенно — в части проведения ими политики активного продвижения исламских ценностей. Но большинство опасений остались в прошлом, поскольку сегодня Турция является примером баланса ценностей Ислама, секуляризма и демократии. Поведение лидеров этой страны является примером для мусульманских государств по всему миру, особенно — на Ближнем Востоке».

Исходя из этого, как заявляют в Белом доме, сегодня нет никаких препятствий для самого широкого американо-турецкого сотрудничества и активного участия Анкары в

формируемом Штатами Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) с Евросоюзом на правах «члена с особым статусом», что, без всякого сомнения, является одной из стратегических целей Эрдогана и правящей партии. Поскольку в Анкаре прекрасно понимают одну из особенностей внешней политики США, которую не так давно еще раз напомнил нынешний госсекретарь Джон Керри:

«Вопросы торговли не могут рассматриваться отдельно от вопросов влияния США на мировой арене. Экономика и безопасность тесно взаимосвязаны. Мы не можем перестать уделять внимание одной из этих сфер, не ослабляя другую... ТТИП усилит эту связь и поможет воспользоваться нашими общими экономическими мускулами для решения вопросов международной и региональной безопасности».

Таким образом, первым фактором, формирующим отношение турецких элит к России, является полный консенсус в части того, что сотрудничество с США и членство в НАТО является для них абсолютным приоритетом.

Между Вашингтоном и Анкарой, между Турцией и ведущими европейскими державами сегодня нет антагонистических противоречий, которые могли бы заставить местные политические элиты всерьез рассматривать во-

прос о смене внешних ориентиров и так называемом «развороте к Москве».

Поэтому рассуждения на эту тему, звучащие в российской экспертной среде (и, кстати, не рассматриваются всерьез ни одним серьезным турецким аналитическим центром или влиятельными политическими комментаторами), являются либо следствием недостаточной компетентности авторов, либо данью политической конъюнктуре.

Вторым фактором, формирующим отношение турецких элит к Москве, является достигнутый между ними консенсус в отношении оценки роли и места России как в современных международных отношениях, так и на среднесрочную перспективу.

При рассмотрении данного вопроса следует учитывать то обстоятельство, что официальные турецкие документы по данному вопросу составлены в предельно дипломатических выражениях, исключающих какие-либо негативные толкования. Не будет преувеличением сказать, что турецкий взгляд на место России в международных и региональных делах, а также турецко-российских отношений состоят из двух слоев:

– официального, на котором преобладают позитивные выражения и достаточно высокие оценки возможных перспектив для сотрудничества;

– и реального, присутствующего в качестве своеобразной «фигуры по умолчанию», который содержится в докладах, справках и рекомендациях местных аналитических центров, близких к правительству, руководству правящей партии и спецслужбам Турции, в частности, таким центром как ORSAM и другие.

В качестве примера можно привести оценку турецких политических элит статуса России на международной арене. Во всех официальных документах за ней признается статус сверхдержавы, и сомнений по этому поводу не выражается. Однако данный статус турецкая сторона выводит не как совокупность экономического, военного и внешнеполитического потенциала, а как следствие того, что Россия, во-первых, обладает ядерным оружием, а, во-вторых, является постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Подобная односторонняя трактовка содержит в себе еще один нюанс, связанный с важным внутривнутриполитическим аспектом — провозглашенной Эрдоганом в качестве стратегической задачи создание к 2023 году — столетию Турецкой республики — «новой Турции», которая будет обладать одной из сильнейших экономик в мире и, соответственно, должна стать лидером «тюркского мира», пространства от Ближнего Востока, Прикаспия и постсоветской Средней

Азии, входящего, по мнению Анкары, в зону турецкого влияния и сферу турецких же интересов.

В рамках решения данной задачи (о чем официально не заявляется, но полностью осознается и принимается в качестве тактики реализации реальной политики) турецкие политические элиты считают необходимым максимально ослабить российское влияние в сфере своих интересов. Таким образом, официально признавая за Россией статус сверхдержавы, Анкара видит в ней конкурента в борьбе за влияние в ряде государств и регионов.

Причем на идеологическом уровне подобное восприятие в последние несколько лет начинает оформляться в своеобразную доктрину, ядром которой является идея о том, что установившаяся в XX веке система международных отношений себя исчерпала и требует полной ревизии. По итогам которой, естественно, Турция должна занять новое, более статусное место, в качестве экономического и политического лидера так называемого «тюркского мира».

Принципиально важным является то, что данная идея в самой Турции пользуется абсолютной поддержкой как элит, так и основной массы населения, что, безусловно, учитывается правящими кругами страны. Упрощенно говоря, **в концепции «неосманизма», которая является сейчас своего**

рода турецкой национальной идеей, Россия рассматривается как конкурент, противоречия с которой по мере социально-экономического развития Турции и обретение ею новых лидирующих позиций на международном и региональном уровнях будут постоянно нарастать, принимая формы политической и экономической конкуренции в обозначенных Анкарой «сферах турецкого влияния и интересов».

Более того, современные турецкие элиты — политические, экономические и культурные — склонны воспринимать Россию как «сверхдержаву прошлого», уход которой с лидирующих позиций на международной арене — естественный процесс, причем — уже в среднесрочной перспективе.

Что, в принципе, и определяет сегодняшний тактический рисунок внешнеполитической линии Анкары к Москве:

- избегать открытых конфликтов;
- максимально использовать возможности экономического партнерства с Россией в интересах развития Турции и наращивания ее потенциала;
- неуклонно и достаточно жестко отстаивать интересы Анкары в тех сферах влияния, где происходит столкновение политических и/или экономических интересов двух стран;
- непрерывно наращивать свое политическое и экономическое присутствие в государствах и регионах, которые вхо-

дят в зону пусть и скрытой, но все более нарастающей конкуренции между двумя странами.

По сути, Россия и ее присутствие в тех или иных государствах/регионах воспринимается Анкарой как вызов, ответ на который заключается в наращивании турецкой «мягкой силы», которая должна устранить Москву в качестве конкурента «новой Турции», избегая при этом открытого конфликта.

ГЛАВА II

Россия как экономический партнер Турции

В оценке российско-турецких экономических отношений со стороны российских экспертов преобладают радужные тона и особый акцент как на достижение объемов товарооборота до \$32,7 миллиардов в 2013 году, так и планирующийся его рост до \$100 миллиардов к 2020 году. Как несомненный успех двустороннего экономического партнерства подается информация о том, что Россия занимает второе после стран ЕС место среди внешнеторговых партнеров Турции, а Турция — восьмое место среди международных экономических партнеров России.

Также как безусловный успех российской политики на турецком направлении представляется инициатива Анкары о переходе на взаиморасчеты в национальных валютах, а также высказанная летом прошлого года (необходимо подчеркнуть — достаточно осторожно) турецкая заинтересованность в создании зоны свободной торговли с ЕАЭС.

Эти и ряд других факторов в ряде комментариев и экспертных выводов выстраиваются в следующую цепочку: экономические отношения между странами динамично раз-

виваются — объемы поставленных в Турцию российской стороной энергоносителей растут — следовательно, Анкара не заинтересована в политических осложнениях с Москвой по ряду спорных вопросов.

Между тем, реальная картина торгово-экономического партнерства, а, следовательно, некоей повышенной заинтересованности Анкары в избегании политических конфликтов с Москвой выглядит далеко не столь однозначно.

Прежде всего, необходимо констатировать, что принятая в 2012 году руководством двух стран «Среднесрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества на 2012-2015 годы», определявшая направления двустороннего взаимодействия на перспективу в таких отраслях, как энергетика, промышленность, сельское хозяйство, туризм, региональное сотрудничество, транспорт и транспортное строительство, финансово-банковское сотрудничество, оказалась практически полностью невыполненной.

По сообщениям Минэкономразвития РФ, достигнутый в 2013 году объем российско-турецкого товарооборота представлял собою снижение на 4,5% от объемов взаимного оборота 2012 года.

Снижение товарооборота происходило и в 2014 году (\$31,2 миллиарда или 4,6%), и в первой половине нынешнего года.

Главной причиной данного обстоятельства является то, что динамика российско-турецкого товарооборота определяется в первую очередь изменениями мировых цен на энергоносители.

Реальная картина структуры российского экспорта на турецкий рынок выглядит следующим образом: основными статьями импорта Турции из России по-прежнему остаются две товарные группы ТН ВЭД — «минеральные продукты» и «металлы, изделия из них». Их удельный вес в совокупном импорте в 2013 г. составил порядка 85,8% (87,1% в 2012 году). При этом импорт минеральных продуктов в 2013 г. по сравнению с 2012 г. снизился на 9,6%, до \$17,3 миллиардов. Экспорт металлов, напротив, увеличился на 4,1%.

Необходимо также отметить снижение импорта из России машин и оборудования. Так, ввоз данной продукции в Турцию из России в 2013 г. снизился по сравнению с предыдущим годом на 22,4% (см. таблицу 1).

Вместе с тем с 2011 года львиная доля российского импорта турецкой продукции сосредоточена в сырьевых товарных группах: машины и оборудование, текстиль, продовольствие и сельскохозяйственное сырье. При этом заметно вырос экспорт в Россию продукции машиностроения. Так, в 2013 г. этой продукции ввезено

на общую сумму \$2,07 миллиарда, что на 14,5% больше аналогичного показателя предыдущего года. Увеличился также на 24,6% экспорт в Россию древесины и целлюлозно-бумажных изделий — до \$61,7 миллиона (см. таблицу 2).

ТАБЛИЦА 1. Структура импорта Турции из России в 2012–2013 годах

| Код ТН ВЭД | Наименование | 2012 г. | | 2013 г. | |
|---------------------|---|-----------------|------------|-----------------|------------|
| | | млн долл. | доля, % | млн долл. | доля, % |
| 01-24 | Продовольствие и с/х сырье | 2 039,7 | 7,6 | 1 969,4 | 7,8 |
| 25-27 | Минеральные продукты | 19 113,9 | 71,8 | 17 281,1 | 68,9 |
| 28-40 | Продукция химической промышленности, каучук | 965,6 | 3,6 | 1 111,3 | 4,4 |
| 44-49 | Древесина и целлюлозно-бумажные изделия | 361,9 | 1,3 | 384,6 | 1,5 |
| 50-67 | Текстиль, одежда, обувь | 11,7 | 0,04 | 10,8 | 0,04 |
| 72-83 | Металлы, изделия из них | 4 064,4 | 15,3 | 4 233,4 | 16,9 |
| 84-90 | Машины, оборудование | 50,9 | 0,2 | 39,5 | 0,16 |
| 41-43, 68-71, 91-99 | Прочие товары | 17,1 | 0,06 | 34,0 | 1,4 |
| | Импорт всего | 26 625,3 | 100 | 25 064,2 | 100 |

Источник: Государственный институт статистики Турции.

Таким образом, реальная картина российско-турецких экономических отношений выглядит следующим образом:

порядка 86% российского экспорта возвращаются на российский рынок турецкими товарами машиностроительной отрасли и широкого потребления, то есть в виде продукции с добавленной стоимостью.

По сути, такое «экономическое партнерство» представляет собой схему «источник сырья — поставщик готовой продукции».

ТАБЛИЦА 2. Структура турецкого экспорта в Россию в 2012–2013 годах

| Код ГН ВЭД | Наименование | 2012 г. | | 2013 г. | |
|---------------------------|---|----------------|------------|----------------|------------|
| | | млн долл. | доля, % | млн долл. | доля, % |
| 01-24 | Продовольствие и с/х сырье | 1 030,9 | 15,4 | 1 178,8 | 16,9 |
| 25-27 | Минеральные продукты | 363,9 | 5,4 | 272,6 | 3,9 |
| 28-40 | Продукция химической промышленности, каучук | 680,6 | 10,1 | 688,6 | 9,9 |
| 44-49 | Древесина и целлюлозно-бумажные изделия | 49,5 | 7,4 | 61,7 | 8,8 |
| 50-67 | Текстиль, одежда, обувь | 1 657,8 | 24,8 | 1 594,4 | 22,9 |
| 72-83 | Металлы, изделия из них | 480,5 | 7,2 | 466,9 | 6,7 |
| 84-90 | Машины, оборудование | 1 809,0 | 27,1 | 2 071,3 | 29,7 |
| 41-43, 68-71, 91-97 | Прочие товары | 608,4 | 9,1 | 630,8 | 9,0 |
| | Импорт всего | 6 680,8 | 100 | 6 965,1 | 100 |

Источник: Государственное управление статистики Турции.

Необходимо отметить, что данная политика полностью укладывается в «Экспортную стратегию Турции до 2023 года»¹, в которой Россия является единственным государством, рынок которого определен в качестве целевого для сбыта всех групп турецких товаров.

В этой же плоскости лежат и турецкие инициативы о «зоне свободной торговли» (ЗСТ) с ЕАЭС и упрощении таможенного режима в двухсторонних отношениях. Нетрудно заметить, что основным стимулом Анкары для запуска этих проектов является в первую очередь создание более комфортных условий закупки энергоносителей не только у России, но и у Казахстана. Интерес турецкой стороны к увеличению поставок энергоносителей из стран постсоветской Средней Азии постоянно возрастает, свидетельством чему являются планы расширить транзит казахстанской нефти в западном направлении, воспользовавшись мощностями нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД).

При этом следует учесть, что любые технические переговоры по ЗСТ, готовность к которым демонстрирует Анкара,

¹ Аналогичной долгосрочной экспортной стратегии, ориентированной на турецкий рынок, у России нет. Интерес Москвы к турецкому рынку ограничивается лишь масштабными проектами, дивиденды от которых могут быть получены лишь в долгосрочной перспективе (строительство атомной электростанции «Аккую» и прокладка углеводородных магистралей через турецкую территорию). Основная проблема кроется в том, что российское государство лоббирует лишь интересы «тяжеловесов», рассчитывая на солидные доходы от их деятельности.

являются практически бесперспективными, поскольку связаны с согласованием торговых обязательств Турции в рамках её членства в Таможенном союзе ЕС (с 1996 года).

Представляется, что и отказ от использования в качестве единицы взаиморасчетов американского доллара вряд ли будет иметь сколько-нибудь серьезный характер для развития двусторонних экономических отношений на основе равноправного партнерства².

В российской экспертной среде акцентируют внимание на том факте, что Турция не присоединилась к антироссийским экономическим санкциям. Широко цитировались слова посла Турции в России Умита Ярдыма:

«Санкции — это не тот метод, который приводит к ожидаемым последствиям в политике. Позиция Турции — соответствовать и следовать тем решениям, которые принимает ООН. Это актуально не только для Турции, а для всех членов ООН. Я не вижу российско-турецких отношений в контексте этих санкций. Российско-турецким отношениям свойственна своя природа, своя естественность

² К примеру, договорённости с Пекином по аналогичному вопросу были достигнуты в 2008 году, но на практике сколько-нибудь заметные расчёты с китайцами начались лишь в 2014 году после проведения первым вице-премьером Игорем Шуваловым совещания с представителями крупнейших энергетических компаний, в т. ч. «Роснефти», «Газпрома» и «Транснефти». Причём на предложение перейти на оплату поставленного топлива в рублях откликнулась лишь одна «Транснефть».

и своя особенность. Мы будем продолжать в таком ключе наши отношения».

Предметом оживленных комментариев стало также заявление премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу, который полагает, что отношения с Россией были и останутся в центре внимания его правительства:

«Россия остается одним из основных иностранных партнеров Турции. Вновь сформированное правительство выступит на этом направлении преемником предыдущего кабинета министров. Мы очень внимательно наблюдаем за динамикой развития двусторонних отношений и нацелены на сохранение имеющегося темпа развития контактов с РФ».

И особое внимание привлекло сообщение о том, что в ходе сентябрьского (2014) саммита НАТО глава турецкого государства Реджеп Тайип Эрдоган высказал позицию, идущую вразрез с общим антироссийским настроем ключевых участников альянса, заявив:

«В отношении России Турция не может действовать так же, как США и ЕС... Москву нельзя исключать при решении региональных и глобальных проблем, так как Россия — сосед и крупный торговый партнер».

Данные высказывания принято трактовать исключительно с позиции того, что в данном вопросе — об антироссийских санкциях — существуют расхождения между Анкарой

и Вашингтоном, что, по мнению ряда экспертов, подчеркивает значимость для Анкары экономического партнерства с Россией, ради которого она даже готова идти на конфронтацию с США.

В действительности же в данном вопросе позиции США и Турции были полностью согласованы, что, пусть и косвенно, подтверждает история с выводом из-под санкций турецкого DenizBank, входящего в десятку крупнейших частных банков страны и вот уже два года практически полностью принадлежащего Сбербанку РФ³. Необходимо напомнить, что Минфин США разрешил банку и структурам, принадлежащим ему на 50% и более, заключать сделки с американскими финансовыми организациями и компаниями. Примечательно, что данная мера американского МФ не распространяется на сделки с другими организациями и лицами, которые подпали под действие американских санкций. Турецкий DenizBank стал единственным исключением.

Ключ к пониманию этих и других процессов, происходящих вокруг российско-турецкого партнерства, представляется возможным сформулировать в следующих основных выводах:

³ Обслуживает более 600 000 клиентов, активы объемом более 650 миллионов долларов США, депозиты на сумму более 1 800 миллионов долларов США, а также 22 отделения в Турции.

– экономические отношения с Россией не являются для Турции стратегическим приоритетом;

– Анкара не рассматривает Москву как полноценного и равноправного экономического партнера, а на перспективу планирует обеспечить себе полное доминирование в двусторонних экономических отношениях за счет развития наметившегося индустриального превосходства;

– данная экономическая стратегия Турции, конечной целью которой является укрепление зависимости России от сырьевого экспорта и, соответственно, ослабление ее статуса как производителя высокотехнологичной продукции, полностью совпадает с интересами американских политических и экономических элит;

– реализация данной экономической стратегии Анкары согласована с Вашингтоном и не может трактоваться ни как американо-турецкие противоречия, ни как особая заинтересованность Турции в экономических отношениях с Россией.

Своего рода подтверждением данных выводов служит заявление премьер-министра **Ахмета Давутоглу**, сделанное им буквально через несколько дней после визита российского Президента в Турцию (2014 год):

«Экономические отношения, которые мы выстраиваем с соседней нам Россией, не являются альтернативой любому другому экономическому партнёрству. Первым

приоритетом Турции остаётся полноправное членство в ЕС, а затем доступ к трансатлантическому инвестиционному и торговому партнёрству».

Есть все основания полагать, что с тех пор ни позиция официальной Анкары, ни позиция турецких элит в отношении экономического партнерства с Россией не изменились.

ГЛАВА III

Конфликтные зоны в российско-турецких отношениях

Выше уже отмечалось, что интерес России к турецкому рынку ограничивается лишь масштабными проектами, дивиденды от которых могут быть получены в долгосрочной перспективе (например, строительство атомной электростанции «Аккую» и прокладка углеводородных магистралей через турецкую территорию). Главная уязвимость подобной политики заключается в том, что в условиях нарастающей конкуренции в «конфликтных зонах» — регионах и вопросах, являющихся предметом политических разногласий между Турцией и Россией — может возникнуть ситуация, при которой Москва вообще не получит ожидаемой экономической отдачи.

Более того, из-за столкновения в «конфликтных зонах» Анкара в любой момент может вернуть свой статус «центра сборки» сепаратистов и исламистов в России и прилегающих к ней территорий, *поскольку на сегодняшний день США, ЕС и НАТО обладают более действенными и эффективными рычагами воздействия на Турцию. В том числе и потому,*

что конфликтных зон в отношениях между Анкарой и Москвой становится все больше, а конкуренция между двумя странами в них — все сильнее.

Сирия

Сирийский фактор традиционно является одним из приоритетных направлений турецкой внешней политики, что было отражено и в актуальной на сегодняшний день редакции «Стратегии национальной безопасности» страны 2010 года.

Российско-турецкие противоречия в данном вопросе продолжают столько же, сколько продолжается гражданская война в этой стране. И вопреки оптимистичным заявлениям — в подавляющем большинстве случаев исходящим от официальных и неофициальных российских источников — никакого компромисса здесь не достигнуто и достигнуто быть не может. Позиции Анкары и Москвы в данном вопросе полностью антагонистичны, а политическая конфронтация, вызванная российской «экспедицией в Сирию», будет только нарастать.

Уже сегодня без особого труда можно заметить, что количество исходящих от представителей турецких элит нега-

тивных заявлений в адрес России, связанных с ее «экспедицией в Сирию», стремительно нарастает. Как справедливо отметил один из российских специалистов⁴: **«Из-за своего прямого вмешательства в сирийский конфликт «Россия теряет Турцию на глазах. Причем, это «на глазах» измеряется не месяцами даже, а днями».**

Российско-турецкий конфликт в сирийском вопросе требует более детального рассмотрения, чем предполагает формат данного документа. Поэтому представляется целесообразным отметить лишь несколько нюансов, которые серьезно осложняют ситуацию и способствуют эскалации данного конфликта.

Прежде всего, турецкие элиты и Эрдоган были откровенно шокированы тем обстоятельством, что перед началом прямого вмешательства Москва не провела с ним дополнительных консультаций в данном вопросе. Следует отметить, что политические круги достаточно спокойно реагировали на расширение военного присутствия России в Сирии в начале сентября, полагая, что речь идет о дополнительных поставках вооружений Дамаску по ранее заключенным — и временно замороженным — контрактам, а появление личного состава российской армии воспринималось ими как ин-

⁴ Директор Центра востоковедческих исследований, международных отношений и публичной дипломатии, преподаватель МГИМО и Дипломатической Академии Владимир Аватков.

структорский корпус с дополнительными силами обеспечения. Поэтому начало воздушных атак явилось для них не просто неожиданностью, но, и в их понимании, пренебрежением к статусу Турции в данном вопросе.

Немаловажным является и то обстоятельство, что на стороне Дамаска активно действует Иран, шиитское движение Хезбалла и отряды шиитских добровольцев из Ирака. Если раньше Анкара стремилась всячески дистанцироваться от любых намеков на религиозную суть конфликта, то в настоящее время в глазах турецкой «улицы» ситуация выглядит таким образом, что «шииты атакуют суннитов, и Россия выступает на стороне шиитской коалиции». В результате политическое давление «улицы» и наиболее исламизированных элементов в Партии справедливости и развития заставляет Эрдогана, официальных турецких политиков и представителей правящих элит страны не только «наращивать градус» антироссийских высказываний, но и идти на сближение позиций по Сирии с Саудовской Аравией и Катаром гораздо больше, чем им этого хотелось.

Говоря об «иранском факторе» в сирийском вопросе, совершенно необходимо отметить, что Анкара воспринимает Тегеран в качестве регионального конкурента. Более того, за последние два года уровень конкуренции и разногласий между двумя государствами возрастает и охватывает все больший

круг вопросов. Дамаск и Башар Асад всегда воспринимались Тегераном как «стратегическая глубина иранской обороны», поскольку падение Асада означает для Ирана утрату возможности контроля над Левантом — то есть, серьезное геополитическое поражение с далеко идущими последствиями негативного характера. Таким образом, еще одной гранью восприятия нынешней ситуации в Сирии турецкими элитами является их убеждение, что в борьбе за статус первой региональной державы Россия встала на сторону Ирана.

Вполне логичным в этой связи для турецких элит является их решение «в ответ на выступление России на стороне Асада и Ирана» сблизиться по сирийскому вопросу с Вашингтоном, точнее — с теми политическими кругами в американском истеблишменте, которые занимают наиболее жесткую позицию как в сирийском вопросе, так и в отношении политического будущего Дамаска.

В результате операция против «Исламского государства» как стратегическая задача для Анкары и Вашингтона отходит на второй план, уступая место:

– совместным операциям, направленным на поддержку тех отрядов «светской оппозиции» в Сирии, которые плотно курируются турецкими спецслужбами;

– выработке совместных мероприятий по противодействию шагам Тегерана и Москвы в Сирии.

Не будет преувеличением сказать, что «сирийская экспедиция» России и ответная турецкая реакция отбросили двусторонние отношения на 10-15 лет назад. И негативное влияние этой «конфликтной зоны» на отношениях Москвы и Анкары в краткосрочной перспективе будет нарастать.

Крым

Сильным ударом по иллюзиям определенной части российских политиков и экспертов относительно российско-турецкого сотрудничества в политической сфере стал прошедший с 31 июля по 2 августа нынешнего, 2015 года, Всемирный конгресс крымских татар в Анкаре. В обращении к участникам конгресса Президент Турции Эрдоган категорически заявил:

«Турция не признает и не будет признавать аннексию Крыма».

Столь категоричное заявление выглядит достаточно странным, если учесть, что «крымский вопрос» и, если шире, проблемы Северного Причерноморья носят для турецких правящих элит периферийный характер.

Между тем, этот вопрос искусственно подогревается и буквально «вталкивается» в фокус турецких общественно-политических дискуссий. Разумеется, если рассматривать

шире, связанные с Украиной проблемы не могут оставить Анкару безразличной, поскольку две страны, во-первых, имеют общую границу. Во-вторых — достаточно широкие экономические связи⁵. Однако, главным фактором, влияющим на позицию турецких элит в «крымском вопросе» является то обстоятельство, что общая численность выходцев из Крыма и их потомков, проживающих в Турции, по разным источникам оценивается в 4-6 млн. человек.

На сегодняшний день в Турции сформировались диаспоральные организации крымских татар, которые стремятся принимать активное участие в поддержке национального движения в Крыму. Самой крупной из них является Ассоциация культуры и поддержки крымских тюрок (Kırım Türkleri Kültür Yardımlasma Derneği). Именно она поддерживает тесную связь с меджлисом крымско-татарского народа. Также заслуживают упоминания, по меньшей мере, две известные крымско-татарские организации Турции — Emel и Kırım.

Идя навстречу настроениям достаточно значительной части электората из числа ассоциирующих себя с выходцами из Крыма⁶, турецкие элиты активно используют «крымский вопрос» для решения внутренних политических задач.

⁵ Товарооборот на 2012 год — \$6,15 миллиардов, общее число работающих в Крыму турецких бизнесменов в 2013 г. превысило отметку в 5 тысяч человек.

⁶ Хотя в реальности для большинства из них «Крым» является лишь исторической памятью, а связи с ним полностью утрачены.

Кроме того, сам факт возникновения вблизи турецкой границы очага геополитического конфликта был для Анкары достаточно неприятным обстоятельством. Совокупность этих причин — внутри- и внешнеполитических — диктует турецкому руководству требование придерживаться отрицательного отношения к итогам референдума в Крыму и его последующего вхождения в состав РФ.

Отдельную роль в отношении к «крымскому вопросу» играют личные взгляды нынешнего премьер-министра Ахмета Давутоглу. Как в его убеждениях, так и в разработанной им концепции «стратегической глубины» Турции как наследнице истории и географии Османской империи присуща огромная историческая и географическая «глубина», поскольку она на протяжении веков была фокусом событий в центральной части евразийского геополитического пространства. И Крым является неотъемлемой частью данной «глубины». Что, впрочем, до определенного времени совершенно не ставит вопрос о каком-либо «протекторате» Анкары над ним, так и не переводит его из разряда «геополитической периферии» в один из внешнеполитических приоритетов.

Таким образом, особенностью «конфликтной зоны Крым» является ее отложенный характер и зависимость от общего контекста российско-турецких отношений. В случае, если

эти отношения будут развиваться в положительном ключе, то отрицательное отношение к присоединению Крыма будет проявляться, в основном, в политических декларациях, жесткость риторики которых определяется требованиями внутривнутриполитической ситуации. Если же будет обостряться ситуация в других, более важных, с точки зрения турецких элит, конфликтных зонах, то «крымский вопрос» будет Анкарой намеренно драматизироваться.

Кавказ

К одной из таких более важных для Анкары «конфликтных зон», безусловно, относится Южный Кавказ, и в первую очередь — Азербайджан.

Определяющими стратегическое значение для Анкары этого региона факторами, безусловно, являются:

во-первых, получение доступа к энергоресурсам Азербайджана и укрепление позиций Турции на Каспии;

во-вторых, противостояние попыткам Тегерана расширить свое влияние в регионе;

в-третьих, в силу наличия общих границ и абсолютного экономического превосходства, Южный Кавказ рассматривается Анкарой как объект экономической экспансии с

последующим вовлечением его в зону влияния «новой Турции».

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что Анкара успешно саботировала все попытки США ограничить ее политику в данном регионе функцией инструмента вытеснения России. Так, следует напомнить, что в момент кризиса августа 2008 года Турция, практически, поддержала Россию и тем самым вызвала не меньшее недовольство США, чем в 2003 году, во время войны в Ираке.

Однако наивно было бы полагать, что данная позиция имела сколько-нибудь пророссийский оттенок. Не побоявшись пойти на осложнение отношений с Вашингтоном, Анкара столь же энергично будет реагировать на попытки расширить свое влияние в этом регионе Москвы.

Складывается убеждение, что турецкие элиты уже достигли консенсуса в том, что Южный Кавказ (за временным исключением Армении) является сферой исключительно турецкого влияния, а другие игроки со временем должны быть полностью вытеснены. Причем это вытеснение должно происходить с использованием с одной стороны — «мягкой силы», а с другой — в результате игры на противоречиях между ними, в том числе — путем балансирования и создания временных союзов.

Одновременно с этим Анкара осторожно прощупывает возможность укрепления своего военно-политического положения на Южном Кавказе, избрав для этого схему создания оборонительного блока Турция-Грузия-Азербайджан. Что, на перспективу, позволяет осуществить не только экономическое, но и военное вовлечение Баку и Тбилиси в сферу турецкого влияния. Аналогичная работа ведется и в сфере правоохранительной деятельности — в январе 2013 г. в Баку по инициативе Турции была учреждена «Евразийская ассоциация правоохранительных органов с военным статусом» в составе Турции, Азербайджана, Кыргызстана и Казахстана. Согласно уставным задачам, эта организация нацелена на сотрудничество входящих в неё государств в деле противодействия организованной преступности, террористической и контрабандной деятельности, активности радикальных исламистских групп.

По сути, без лишнего публичного освещения, в настоящий момент на Южном Кавказе формируется интеграционная модель Турция-Грузия-Азербайджан, безусловное лидерство в которой принадлежит Анкаре. Следует особо подчеркнуть, что в основе этой модели лежат как уже реализованные экономические и логистические проекты — например, нефтепроводы Баку-Супса, Баку-Тбилиси-Джейхан, газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум, так и нахо-

дящиеся в стадии реализации — железная дорога Баку-Тбилиси-Карс⁷, по сути — транспортный коридор, который соединит железнодорожные сети Азербайджана, Грузии и Турции. Логическим продолжением этого проекта станет создание автомобильного компонента транспортного коридора, связывающего Азербайджан с черноморским побережьем Турции⁸. В предстартовой готовности крупные совместные азербайджано-грузино-турецкие проекты в области электроэнергетики⁹.

Не будет преувеличением сказать, что Турция пришла на Южный Кавказ всерьез и надолго, пришла в качестве лидера. И уступать свое место никому не намерена.

⁷ по сути — транспортный коридор, который не только соединит железнодорожные сети Азербайджана, Грузии и Турции, но и соединит Южный Кавказ с общеевропейской железной сетью. Более того, принимая во внимание, что Казахстан изъявил желание перевозить по этой железной дороге часть своих грузов, она становится транспортным коридором, связывающим Европу с Азией.

⁸ Речь идёт о строительстве четырехполосной автомагистрали протяженностью в 500 км, которая свяжет турецкую границу с Батуми, Тбилиси, Рустави и далее до границы с Азербайджаном. Будет введён в строй 508-километровый отрезок автодорожного коридора ТРАСЕСА — от Баку до «Красного моста» на границе с Грузией. Наличие этой скоростной автомагистрали облегчит движение большегрузного транспорта и сократит время подъезда к крупнейшему торгово-промышленному центру региона — Стамбулу.

⁹ Азербайджан намерен создать трансмиссионную систему по экспорту электроэнергии в Турцию, которая предполагает строительство 500-киловольтовой линии электропередачи и нескольких подстанций, соединяющих генерирующие станции Азербайджана и Грузии с энерго-недостаточными восточными областями Турции.

Средняя Азия

Все большее значение во внешней политике Турции принимает «среднеазиатское направление», которое также как и вышеперечисленные — сирийское, кавказское, «крымское» — рассматриваются Анкарой в качестве потенциальной конфликтной зоны с Россией.

Необходимо заметить, что это уже «второй заход» Турции в постсоветскую Среднюю Азию. После распада СССР в 1991 году Турция стала одним из первых государств, признавших независимость бывших советских республик, и предприняла первую попытку вовлечения государств региона в сферу своего влияния.

Однако в силу ряда причин — в первую очередь из-за недостатка у Анкары необходимого для подобной акции внешнеполитического ресурса, ее попытки доминирования были отвергнуты местными политическими элитами. В результате стремительный бросок в регион, продолжавшийся при Тургуте Озале и Сулеймане Демиреле, закончился укреплением позиций Турции только в экономической сфере, без особых успехов в плане формирования протурецкой ориентации местных элит.

После прихода к власти Эрдогана и ПСР Анкара подвергла свою политику на среднеазиатском направлении серьез-

ному пересмотру. Ставка была сделана на реализацию более реальных проектов и на отказ от чрезмерно амбициозных планов в отношении этих республик. Скоротечный натиск уступил место методичной работе, рассчитанной на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Акцент на лидерской роли Турции уступил место акценту на **привлекательность для Средней Азии именно турецкой модели как примера «успешного функционирования светской политической системы с элементами демократии западного типа, которой удалось в условиях доминирования в обществе приверженцев ислама провести рыночные преобразования».**

Интеграционные проекты, конечной целью которых по-прежнему остается вовлечение среднеазиатских государств в сферу турецкого влияния, стали идеологически оформляться как «равноправное партнерство, основанное на общности языка, культуры и исторических судеб тюркских народов». Кульминацией новой стратегии Анкары на среднеазиатском направлении стали:

– презентация в 2008 году проекта министерством промышленности и торговли Турции проекта «Шелковой путь», в котором наряду с другими странами участвуют Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Заявленная цель проекта — связать европейские и азиатские рынки, фокуси-

руя внимание на проблемах в сферах транспорта, безопасности, логистики, пограничных таможенных процедур;

– учреждение в 2009 году в Стамбуле Совета сотрудничества тюркоязычных государств, в состав которого входят Азербайджан, Турция, Казахстан, Туркменистан и Кыргызстан.

Что же касается результатов, достигнутых Анкарой в гуманитарной сфере, то достаточно привести в пример Казахстан и Киргизию, где Турция сделала ставку на реализацию образовательных проектов, вложив серьезные средства в обучение молодежи на четырех языках — казахском, турецком, русском и английском. В итоге, Турция, избежав обвинений в прямом продвижении своих интересов, сумела за десятилетие с небольшим выучить целое поколение молодых специалистов, а к нынешнему моменту, и политиков, которые мыслят в парадигме пантюркизма, являясь важной составляющей турецкого влияния в Казахстане.

Если в этот аспект верится с трудом, то можно сопоставить звучание идей пантюркизма в Казахстане и Киргизии с аналогичной трансляцией этой темы в информационном поле Узбекистана, который полностью закрыл свою образовательную отрасль от влияния Турции.

В этом смысле интересной является внешнеполитическая инициатива Казахстана, который полностью поддержал

Турцию в конфликте с Сирией, являясь при этом государством, входящим в состав военно-политического блока с несколько иными, мягко говоря, геополитическими предпочтениями.

Однако проникновение Турции в регион имеет серьезное ограничение — несопоставимость финансового и экономического потенциала с другим претендентом на доминирование — Китаем. В 2010 году общий объем турецкой торговли со странами Центральной Азии составил \$6,5 миллиардов, а объем турецких инвестиций — \$4,7 миллиардов, и с тех пор ситуация мало изменилась. Приведенные показатели не выдерживают никакого сравнения со средствами, вкладываемыми в закрепление своего влияния Пекином.

Еще более драматическая коллизия возникла в 2013 году, когда, спустя пять лет после презентации турецкого проекта, руководством КНР был провозглашен проект «нового экономического пространства Шелковый путь».

Анкара достаточно оперативно отреагировала на изменение ситуации: в начале июня 2014 года по итогам IV саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств в турецком Бодруме была подписана декларация «Тюркский совет — современный Шелковый путь». Что в реальности означает готовность Турции сопрягать собственные интере-

сы на среднеазиатском направлении с геоэкономическим проектом Китая.

С высокой долей уверенности можно утверждать, что это сопряжение интересов Анкары и Пекина, осложненное рядом факторов — позиция Турции по уйгурскому вопросу, проблема участия Анкары в работе ШОС и ее структур, реакция на это США, реализующего конкурентный проект — станет на краткосрочную перспективу одним из главных факторов, влияющих на развитие политической ситуации в регионе.

Курды

Традиционной турецкой установкой в сфере безопасности является исключение одновременного ведения «двух с половиной войн» — внешних с Грецией и Сирией и внутренней с курдами.

Сегодня мирный процесс, начатый по инициативе Эрдогана в 2013 году и ознаменовавшийся подписанием в марте того же года мирного договора между Рабочей партией Курдистана и турецким правительством, фактически находится на грани срыва. А регионы, где проживают турецкие курды, становятся территориями диверсий и террористических атак

на армию, правоохранительные органы и структуры государственного управления.

Драматизм ситуации придают события в районах проживания курдов Сирии, где возрастает влияние партии «Демократический союз» (ПДС), и ситуация, складывающаяся вокруг Иракского Курдистана, который оказывается втянутым в региональную военно-политическую интригу.

Проблема для Эрдогана, Давутоглу и правящей партии заключается в том, что часть турецкого общества возложила вину за обострение обстановки именно на его мирную политику в отношении курдов, что создает для правящих кругов Турции дополнительные проблемы.

В этой связи Анкара крайне болезненно реагирует на любое вмешательство внешних игроков в курдский вопрос. В частности, в неофициальных беседах турецкие эксперты неоднократно подчеркивали, что РПК, по их единодушному убеждению — террористическая организация, пользуется, как они выражались, «необъяснимыми симпатиями в России». Более того, автору приходилось слышать от своих собеседников утверждения, что Москва стала одним из центров консолидации тех курдских сил, которые исключают мирный диалог с Анкарой и турецким правительством.

Несомненно, наряду с другими конфликтными зонами курдский вопрос может серьезно осложнить российско-

турецкие отношения. Причем с учетом того значения, которое имеет эта проблема для Анкары, данная конфликтная зона по своему негативному потенциалу не уступает сирийской. Так, 13 октября нынешнего года в МИД Турции были вызваны послы России и США Андрей Карлов и Джон Басс в связи с военной помощью, которая, по мнению Анкары, оказывается Москвой и Вашингтоном сирийским курдам, в частности — ПДС, которая в Турции объявлена террористической организацией.

В тот же день Анкара обвинила США и Россию в поддержке терроризма и подрыве ее безопасности.

«Для нас это (действия США и России в отношении сирийских курдов) очевидный ущерб, и мы не намерены шутить по этому поводу»,

— отметили в турецком правительстве, отвечая на вопрос о том, как Анкара реагирует на сообщения о намерении Отрядов народной самообороны (ОНС) — которые на политическом уровне представлены партией «Демократический союз» — перейти реку Евфрат, чтобы усилить контроль над территориями вдоль 900-километровой границы с Турцией.

Очевидно, что события в Сирии спровоцировали возникновение новой «конфликтной зоны», которая еще сыграет свою роль в российско-турецких отношениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За рамками данной работы автор — где-то намеренно, а где-то вынужденно — оставил ряд интересных узлов, связанных как с внешней политикой Анкары, так и с современным состоянием российско-турецких отношений. Кроме того, ряд актуальных вопросов, возникших буквально в последние месяцы, требует дополнительного изучения и осмысления.

Главная задача данного текста заключается несколько в другом. С высокой долей вероятности можно утверждать, что нынешнее руководство Турции и Партия справедливости и развития укрепились в роли наиболее влиятельной и системной политической силы, которая и планирует, и способна остаться у власти до 2023 года, одержав при этом победу на трех предстоящих парламентских выборах.

Часто звучащее в последнее время мнение о том, что Турция раздираема социально-политическими противоречиями, что она стоит на пороге серьезных потрясений, что позиции Эрдогана и ПСР серьезно пошатнулись, представляются откровенным драматичным преувеличением, не подтвержденным фактами. Проблемы в стране действительно существуют, зачастую они принимают весьма острый характер, но это скорее издержки произошедшего за последние

полтора десятилетия стремительного роста Турции, чем непреодолимы кризисные явления. Слишком большой путь прошла страна за относительно короткий исторический промежуток, слишком стремителен ее рывок к новым перспективам, чтобы все прошло без осложнений.

Из этого следует, что та внешнеполитическая стратегия, те подходы, которые использует Анкара в российско-турецких отношениях, с незначительными коррективами, обусловленными общими изменениями современной международной ситуации, останутся прежними. А значит, цель, которая провозглашена Эрдоганом — достижение Турцией статуса регионального лидера и актора международного уровня — более чем достижима.

Поэтому представляется целесообразным провести аналитическое осмысление реалий отношений между Москвой и Анкарой. Перестать, с одной стороны, успокаивать себя «положительной динамикой двухсторонних связей» и закрывать глаза на накапливающиеся негативные тенденции. С другой — излишне преувеличивать угрозы противостояния в существующих между нашими странами конфликтных зонах. Россия и Турция на среднесрочную перспективу остаются конкурентами, и уровень этой конкуренции будет только нарастать. Однако, между понятием «конкурент» и «враг» существует серьезная разница.

ИСТОЧНИКИ

При подготовке текста были использованы выступления и интервью видных политических деятелей и экспертов Турции, опубликованные в различных средствах массовой информации, среди которых следует отметить, в первую очередь, сайт Главного управления прессы и информации аппарата премьер-министра Турецкой республики www.byegm.gov.tr/english.

Одним из наиболее ценных источников, активно использовавшихся при подготовке текста, служили материалы ведущего турецкого аналитического центра ORSAM www.orsam.org.tr, а также материалы центра Stratejik Düşünce Enstitüsü www.sde.org.tr/tr/default.

Также следует упомянуть материалы, опубликованные в различных средствах массовой информации, таких, например, как Turkish Daily News, The Journal of Turkish Weekly, DUNYA, Hürriyet и другие.

Ценная информация, позволяющая понять отдельные нюансы внешней политики Турции содержится в нижеперечисленных работах:

Grigoriadis Ioannis N. Upsurge Amidst Political Uncertainty: Nationalism in Post-2004 Turkey // SWP Research Paper.

Fink Daniel. Assessing Turkey's Future as an Energy Transit Country // Research Notes. Washington, July 2006. № 11. P. 1–6.

Fuller Graham E. Turkey's Strategic: Myths and Realities // The Washington Quarterly. Summer, 2004. P. 51–64.

Kiniklioğlu S. The Anatomy of Turkish-Russian Relations. Ankara, 2006

Lesser Ian. Beyond Suspicion. Washington, 2007.

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

Научное издание

Панкратенко И.Н.

РОССИЯ – ТУРЦИЯ: СЛОЖНЫЕ НЮАНСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Подписано в печать 19.10.2015. Формат 60x88/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 5,75.

Уч.-изд. л. 3,25. Тираж 500 экз. Заказ №189.

Центр стратегических оценок и прогнозов

<http://csef.ru/> 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 13, стр. 1

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД №00595